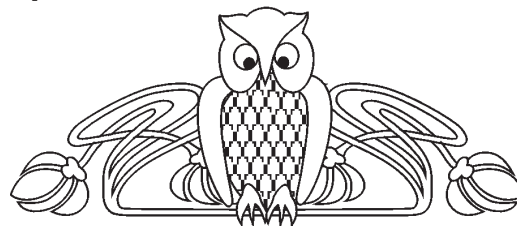

УДК 101.1

ПОЛИТИКА КАК ПРОСТРАНСТВО ЭКСПЛУАТАЦИИ ИДЕОЛОГИЯМИ СОЦИАЛЬНЫХ МИФОВ

Иванов Андрей Геннадиевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал. E-mail: agivanov2@yandex.ru

В статье политическая сфера рассматривается как пространство объективации социальной мифологии. Государство предстает в качестве медиатора, сглаживающего общественные противоречия при помощи идеологий, в основе которых лежат определенные социальные мифы. Эксплуатация идеологиями социальных мифов позволяет легче воздействовать на общественное сознание. Каждое государство через господствующую в нём идеологию – формальную или неформальную, реализует определенную программу развития, эксплуатирует какой-либо миф или совокупность мифов. Наиболее ярко это видно на примере так называемых классических идеологий: в основе либерализма лежит инновационное, прогрессивное развитие, в основе консерватизма – устойчивое развитие, в основе социализма – целевое развитие. Квинтэссенцией воплощения мифа в идеологии, эксплуатации идеологией мифа является «глобальный миф», например миф о герое. «Глобальные мифы» воздействуют на общество, органично сочетая в себе два уровня социального мифа – «архаический» и «конъюнктурный»: восходят к древней архаике и могут умело использоваться правящей элитой. Автор задается вопросом о необходимости, с одной стороны, разоблачения деструктивных социально-политических мифов и, с другой стороны, использования потенциала конструктивных социальных мифов для консолидации общества.

Ключевые слова: политическая сфера, социальный миф, идеология, миф о прогрессе, концепция устойчивого развития, миф о герое, «глобальный миф», «архаический» и «конъюнктурный» уровни социального мифа.

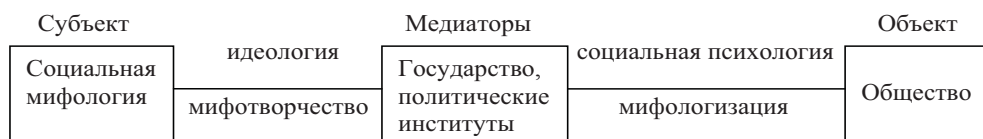
DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-13-18

Политические институты, и прежде всего государство, являются посредниками, медиаторами взаимодействия между социальной мифологией и обществом. Полей, пространств, где осуществляется взаимодействие социальной мифологии и общества, можно выделить несколько: это экономическая, социальная и эстетическая сферы. Однако мы сконцентрируемся на политической сфере в связи с тем, что политическая мифология, оказавшись в центре внимания многих исследователей (Э. Кассирера, К. Маннгейма и др.) еще в середине XX в., не утратила своей актуальности и требует исследования не только

в рамках философии власти, философии политики, но и в более широком ракурсе – с позиций социальной философии. Кроме того, процессы, происходящие в политической сфере, более отчетливо демонстрируют специфику социальной мифологии, социальных мифов.

Государство, на наш взгляд, играет основную роль в процессе институционализации новых социальных мифов, трансформации социальной мифологии. С одной стороны, наиболее благоприятная почва для распространения социальных мифов – широкие массы – это уровень государства; с другой стороны, именно государство обладает всеми рычагами для легитимации социальных мифов, прежде всего, посредством СМИ. Можно даже сказать, что государство – это главный медиатор между социальной мифологией и обществом.

Термин «медиатор» здесь следует понимать в леви-строссовском смысле, когда К. Леви-Стросс говорил о мифах традиционных обществ: «...миф обычно оперирует противопоставлениями и стремится к их постепенному снятию – медиации» [1, с. 235]. В системе медиаторов и в настоящее время может закрепляться знание, способствующее преодолению тех или иных кризисных явлений как в мировоззрении, так и в общественной жизни. Можно сказать, что государство следует рассматривать в качестве посредника, медиатора, использующего социальные мифы для сглаживания общественных противоречий (рисунок). При этом такая медиация проходит несколько этапов: идет движение, с одной стороны, от общей мифологии к государственной идеологии, с другой стороны, от общества к отдельной социальной группе. Следует добавить, что мифотворческие процессы являют собой субъектную подструктуру деятельности, а процессы мифологизации – объектную подструктуру.

Государство и политические институты как медиаторы между социальной мифологией и обществом

Обычно посредники (медиаторы) оформляют социальную мифологию в идеологию и «доводят» её до населения. Население (общество в целом, различные социальные группы), со своей стороны, воспринимает результаты мифотворческой деятельности политических институтов: часть информации – осознанно, часть – наделяет мифологическими образами.

При таком взаимодействии ключевое значение приобретают процессы мифотворчества, результаты которых в политической сфере зачастую находят отражение в определенных идеологических построениях. Фактически мифотворчество институционализируется через конкретные идеологии. Идеологии при этом выступают в качестве мифогенных факторов. Так возникают, например, миф о прогрессе, имперский миф. Каждое государство через господствующую в нём идеологию – формальную или неформальную – эксплуатирует какой-либо миф (мифы). К примеру, в США распространён миф об американской исключительности.

Наш интерес к политической идеологии не случаен, так как мы опираемся на глубокий вывод американского антрополога К. Гирца, рассматривавшего государство так называемого третьего мира и полагавшего, что там на смену детализированным мифам, разработанным ритуалам приходят более абстрактные, произвольные и аргументированные комплексы представлений: «Записанные ли в официальной конституции, воплощенные ли в новой совокупности институтов государственного управления, возведенные ли в ранг универсального вероучения (или, что не редкость, сразу во всех трех видах), эти представления, которые я назвал бы идеологией в собственном смысле этого слова, играют ту же самую роль, какую до этого играли гораздо менее теоретически разработанные доидеологические представления, преемниками которых они являются» [2, с. 395]. Следует заметить, что К. Гирц в целом считал достаточно существенным влияние этих представлений, в частности, полагая, что идеологический вклад в современные государства тех культурных традиций, наследниками которых они являются, имеет гораздо большее значение, чем, скажем, организационный вклад в эти государства тех систем управления, которые им предшествовали.

Со временем на смену господствовавшим мифам приходят проработанные идеологические построения. Это во многом обусловлено влиянием науки, в частности, таким ее свойством как рациональность, и характерно, в первую очередь, для техногенных цивилизаций, возникших в последнее время на Западе. Процесс появления техногенных обществ, их отличия от обществ традиционных были отмечены в одной из ранних

работ Ю. Хабермаса: «Выражение “традиционное общество” характеризует состояние, при котором институциональные рамки покоятся на не вызывающем сомнений легитимизирующем основании мифических, религиозных или метафизических толкований реальности в целом – как космоса, так и общества. “Традиционные” общества существуют до тех пор, пока развитие subsystems целерационального действия остаётся в границах легитимирующей действительности культурных традиций» [3, с. 72–73]. В какой-то момент, полагает он, деятельность subsystems с преобладанием в них не символически опосредованных интеракций, а целерациональных действий (например, экономической системы или государственного аппарата) начинает оказывать всё большее влияние на ход общественного процесса, т.е. традиционные легитимации сменяются другими, претендующими на научный характер, легитимациями. «На месте дискредитированных иррациональных (мифологических и религиозных) систем образовывался мотивационно-объяснительный и легитимизирующий вакуум. Этот вакуум с необходимостью “заполнялся” – заполнялся изобретаемыми теоретиками искусственными системами, претензия на истинность которых обосновывалась научностью, открытием универсальных оснований бытия, принципом прогресса, социальной справедливости и т.д.» [4, с. 65–66].

Постепенно возникают идеологии, в основе которых лежат мифы, имеющие другие по сравнению с их предшественниками формы (мифы демократии, мифы нации), но схожее влияние на развитие государства. При этом определяющим оказывается то, в каких культурах начинают существовать эти новые мифы. «Так, для Запада мифы демократии, социальной справедливости, равенства, свободы, которые породили колоссальную социальную динамику европейских буржуазных революций (без них эти революции были бы простой бойней или захватом власти буржуазией), означали одно, а для России эти же мифы означали уже совершенно иное, причём важно знать, что в этом решающую роль сыграла не сама по себе активность большевиков, которая реализовала уже наличные потенции, а особенности российской политической культуры, решительно повлиявшие на содержание этих мифов. После революции тоталитарная действительность уже сама была в состоянии продуцировать мифы, перерабатывая социальные утопии» [5, с. 45]. Таким образом, от культуры в целом и политической культуры в частности зависит то, как будут восприниматься те или иные «новые» мифы. Цивилизационные же характеристики обществ определяют саму степень восприимчивости таких мифов.

Какие же особенности позволяют нам в эпоху торжества рациональности считать то или иное явление социальным мифом, который, в том числе, может быть использован идеологией в качестве действенного инструмента? Это, во-первых, тотальность – в данном случае способность давать доступное объяснение реальности практически всем социальным группам; во-вторых, производство легитимирующего эффекта – массовое обеспечение признания населением ценностей конкретного социального мифа и, соответственно, эксплуатирующей его идеологии.

Далее рассмотрим специфику современных идеологий, в частности, практику аккумуляции социальных мифов классическими идеологиями. Идеологию в целом принято определять следующим образом: «понятие, посредством которого традиционно обозначается совокупность идей, мифов, преданий, политических лозунгов, программных документов партий, философских концепций; не являясь религиозной по сути, идеология исходит из определённым образом познаний или “сконструированной” реальности, ориентирована на человеческие практические интересы и имеет целью манипулирование и управление людьми путём воздействия на их сознание» [6, с. 405]. Действительно, основным предметом воздействия идеологии является общественное сознание. В периоды активных изменений, происходящих в социуме, общественное сознание оказывается чрезвычайно восприимчивым к различным идеям, зачастую далёким от рациональности. И от того, насколько успешно государство способно контролировать такие общественные умонастроения (назовём это идеологической функцией государства), зависит, в конечном счёте, эффективность деятельности государственного управленческого аппарата в целом.

Провозглашая изменение, развитие, идеологии и сами сталкиваются с быстро меняющимся обществом. Более того, само содержание идеологии может меняться: в частности, в последнее время появляются так называемые «молекулярные» идеологии [7], т.е. идеология может «встречать» перемены в социальной сфере, сама находясь в изменённом состоянии (это справедливо и для мифологии), что во многом обусловлено контекстом, конъюнктурой.

По мнению В. С. Барулина, основным качеством идеологии является её отражение и выражение интересов не только класса, но и социальной группы, общности вообще (в таком случае можно говорить об общенациональной, государственной идеологии). «Поскольку же эти интересы всегда связаны с определённой прагматической направленностью, заключающейся либо в защите от посягательства других интересов, либо в их во-

площении в общественную практику, либо в том и другом, постольку в идеологии велик удельный вес целеполагания, связанного с разработкой ориентиров, программ деятельности» [8, с. 193].

Целеполагание невозможно без актуализации направлений развития. В случае с государством речь идёт о государственном и даже общественном развитии. Здесь мы приходим к утверждению, что каждая идеология, реализуя определённую программу развития, эксплуатирует какой-либо миф или совокупность мифов. Наиболее ярко это видно на примере так называемых классических идеологий. Так, в основе либерализма лежит инновационное, прогрессивное развитие, в основе консерватизма – устойчивое, в основе социализма – целевое развитие. Проекция будущего, воплощённая в программе развития, в большой степени влияет и на используемые, эксплуатируемые идеологиями мифы. Через рассмотрение классических идеологий, в той или иной мере составляющих основу реализуемых государственных политик отдельных стран, постараемся увидеть, каким образом может осуществляться посредничество между социальной мифологией и обществом в политическом пространстве. «Идея прогресса, возникшая и развитая в науке, стала одним из оснований идеологии индустриального общества. Философ Р. Нисбет считает, что “на протяжении почти трёх тысячелетий ни одна идея не была более важной или даже столь же важной, как идея прогресса в западной цивилизации”. Так же, как в случае с идеей свободы, наука задала принципы легитимации прогресса, опираясь, прежде всего, на свой собственный образ. Свобода познания прямо вела к оправданию свободы неограниченного прогресса» [9, с. 45].

Как уже было отмечено, современное западное общество представляет собой техногенную цивилизацию, особенностью которой является постоянное стремление к изменению своих оснований. Именно это обстоятельство – перманентность новаторских изменений – позволило достаточно быстро идее о прогрессе стать мифом о прогрессе со всеми его особенностями. Одной из таких особенностей является важная функция мифа по обеспечению целостной картины мира. И как только феномен прогресса, инновационного развития стал неотъемлемой частью картины мира стран Запада, миф о прогрессе, соответственно, стал одним из факторов общественного развития.

Еще одним социальным мифом, оказавшим существенное влияние на развитие западного общества, стала концепция устойчивого развития. Данную концепцию можно в полной мере считать результатом мифотворческой деятельности господствующего со второй половины XX в. на Западе политического класса.

Устойчивое развитие – «термин, введенный Международной комиссией по окружающей среде и развитию (комиссией Г. Х. Брунтланд) в докладе “Наше общее будущее” для обозначения социального развития, не подрывающего природные условия существования человеческого рода. Возник как реакция на глобальный кризис индустриализма, связанный с угрожающим истощением природных ресурсов, ухудшением состояния природной среды и поляризацией богатства и нищеты в мире. Принцип устойчивого развития получил поддержку ООН. Вторая конференция ООН по окружающей среде и развитию перевела идею устойчивого развития в плоскость конкретных международных обязательств и планов» [10, с. 122], т.е. соединение экологии (окружающей среды) с экономикой и политикой (развитием) было осуществлено с помощью категории «устойчивое развитие». Данная категория появилась в качестве реакции на кризис индустриализма, порождённый, прежде всего, Западом, а также обусловленную колониальной отсталостью развивающихся стран «поляризацию богатства и нищеты». Понятие «устойчивое развитие» утверждалось с помощью индустриализма, колониализма и неоколониализма, в итоге превратившись в соответствующую концепцию. Область применения данной концепции сразу же распространилась на политическую сферу.

Цель концепции устойчивого развития, понимаемой в нашем случае как социальный миф, состоит в сохранении «статуса-кво», в поддержании доминирования определённых социальных групп, в недопущении нарушения баланса сил. Именно эта мифологема и составляет основу политической идеологии неоконсерватизма. На наш взгляд, идеология неоконсерватизма, сочетая идеи прогресса с идеями сохранения традиций, в полной мере иллюстрирует концепцию «устойчивого развития», наиболее активно эксплуатирует этот социально-политический миф в своих интересах.

Иллюстрируя мифы, эксплуатируемые такой классической идеологией, как социализм, необходимо, конечно, обратиться к рассуждениям М. Элиаде о коммунистической версии социализма. М. Элиаде отмечал, что К. Маркс воспользовался одним из самых известных эсхатологических мифов средиземноморско-азиатского мира – мифов о справедливом герое-искупителе (в наше время это – пролетариат), страдания которого призваны изменить онтологический статус мира. Кроме того, марксово бесклассовое общество и, как следствие этого, исчезновение исторической напряженности есть, по мнению М. Элиаде, не что иное, как миф о Золотом веке, который в соответствии с многочисленными традициями характеризуется и началом и концом истории. «Маркс обогатил

этот извечный миф элементами мессианистской и иудейско-христианской идеологии: с одной стороны, сотериологическая функция и профетическая роль пролетариата, с другой стороны, последний и решительный бой между добром и злом, который легко сравнить с апокалиптическим конфликтом между Христом и Антихристом, заканчивающимся победой первого» [11, с. 173].

Исходя из того, что в основе социализма находится целевое развитие, неудивительно актуализации эсхатологических представлений, в которых на первый план выходят фигуры героев. Возможно, социалистические идеологии имеют более тесную связь с архаикой: с одной стороны, через апеллирование к идеям, многие из которых составляют основу мифологических представлений и религиозных доктрин; с другой стороны, через признание приоритета коллектива над личностью, что также отражает суть архаических мифологических представлений. Утверждая это, мы отталкиваемся как от широко распространенных идей представителей психоаналитической концепции мифа, прежде всего Дж. Кэмпбелла [12], но также учитываем выводы ряда современных исследований, среди которых отдельно следует выделить работу «Культурная мифология и мировое лидерство» [13], где было предпринято амбициозное исследование разнообразия мифов, лежащих в основе общественных ценностей и оказывающих значительное влияние на глобальное лидерство. В центре внимания соавторов работы находились особенности мифологии лидерства двадцати стран мира, включая Россию, где мифы лидерства оценивались в качестве мощного инструмента (*powerful tool*), который может быть использован более или менее эффективно и приводить как к позитивным, так и к негативным результатам.

Таким образом, политическое пространство предстает как арена активной эксплуатации идеологиями различных социальных мифов. Далее необходимо попытаться решить следующую этико-аксиологическую проблему: какова степень конструктивности/деструктивности воздействия на общество и государство от использования социальных мифов в политике. Здесь нужно обратиться к морфологии современного социального мифа, в структуре которого можно выделить два уровня. Первый – «архаический» – представляет собой совокупность устойчивых мифологических архетипов. Эти архетипические образы и сюжеты имплицитно присутствуют на уровне менталитета и составляют фундамент любого социального мифа. На втором уровне происходит рационально-теоретическая обработка исходных мифологических архетипов и их трансформация в четко сформулированные идеи, концепты, программы действия, в конечном счете, идеологии. Данный

уровень – «конъюнктурный»: здесь базовые мифологические архетипы интерпретируются, исходя из текущего интереса элиты, выступающей в качестве мифотворцев. «Конъюнктурный» уровень социального мифа – «вершина айсберга», основания же его уходят в глубины народной психологии и менталитета.

По нашему твердому убеждению, конструктивное воздействие на общественное развитие способен оказывать лишь такой социальный миф, в котором органично сочетаются два вышеуказанных уровня. Назовем такие социальные мифы «глобальными»: они воздействуют на общество на двух уровнях: восходят к древней архаике и могут умело использоваться правящей элитой. Так, в мифе о герое, актуальном практически во все времена, можно выделить, с одной стороны, ядро архетипического образа (происхождение героя, его качества, предназначение, взаимодействие героя со сверхъестественными силами, его борьба с врагами, испытания и т.п.), относящегося к «архаическому» уровню социальной мифологии; с другой стороны – конкретные коннотации образа героя, продиктованные текущими общественными процессами.

Учитывая, что фигура героя зачастую находится в центре социалистических учений, не должны вызывать удивление последние политические тенденции, отражающие общественный запрос на справедливость, сильного политического лидера, объединяющую идею. Тем более что положение вещей, сложившееся к началу XXI в., позволяет по-новому переосмыслить идеи Р. Барта, высказанные в середине XX в., когда получила продолжение традиция «философии подозрения». Р. Барт «...предложил особую оптику взгляда, позволяющую увидеть махинации властного дискурса, выдающего исторически сложившийся тип культуры за единственную реальность» [14, с. 271]. Р. Барт обратил внимание на способность буржуазного дискурса к обновлению под влиянием дискурсов разоблачительных. Такое обновление состоит в том, что, например, риторика времён Р. Барта – «буржуазный», «фашистский», «пролетарский» – объявляется впоследствии устаревшей и не отражающей существующих реалий. «Система, против которой боролся Р. Барт, снова мимикрирует под Природу, заявляя, что времена классовых противостояний ушли в прошлое, и теперь общество движется к своему естественному состоянию, каковое есть демократия и соблюдение естественных же “прав человека”. “Искусственная” (а таковой она стала представляться именно благодаря разоблачающим дискурсам) терминология заменяется терминологией “естественной”: нам говорят, что не следует говорить “буржуазный” или “капиталистический”, следует употреблять выражение “либеральная

демократия” или что-то в этом роде. Не следует называть “новых правых” и “неоконсерваторов” фашистами, невзирая на их симпатии ко всему “коричневому”» [14, с. 271–273]. В общем, Р. Барт призывал включаться в бой, который «идет уже не за критическую дешифровку (языка мифов. – А. И.), а за оценку» [15, с. 476].

Сегодня мы сталкиваемся с ситуациями, когда для глобального доминирования, для контроля ключевых регионов мира апологеты, например, неоконсерватизма в лице лидеров Запада, более агрессивно, используя влияние на средства массовой информации, применяют социальные мифы, одним из которых является концепция устойчивого развития. Однако, несмотря на то, что это всего лишь метаморфозы «конъюнктурного» уровня социального мифа, именно такое отсутствие связи с традицией, с «архаическим» уровнем, в конечном счете, приводит к деструктивным последствиям для общества.

Одной из главных социально-политических задач, на наш взгляд, становится трансляция объективной картины мира, элиминирование искусственных социальных мифов из общественного сознания. Шагом к этому, в частности, является «разоблачение» мифов, потерявших связь с традицией, но активно эксплуатируемых современной политической элитой. Вместе с тем использование идеологиями социальных мифов может быть конструктивным, консолидировать общество, если в мифе органично отражены «вековые» массовые ожидания и устремления политической элиты, что видно на примере мифа о герое.

Следует заключить, что основную роль в процессе институционализации новых социальных мифов играет государство, являясь главным медиатором между социальной мифологией и обществом. Каждое государство через господствующую в нём идеологию – формальную или неформальную – эксплуатирует какой-либо социальный миф (мифы). Квинтэссенцией воплощения мифа в идеологии, эксплуатации идеологией социального мифа является «глобальный миф».

Список литературы

1. *Левин-Стросс К.* Структурная антропология. М., 2001. 512 с.
2. *Гириц К.* Интерпретация культур. М., 2004. 560 с.
3. *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология». М., 2007. 208 с.
4. *Кориунов Г. П.* Место и роль социальной мифологии в структуре массового сознания. Минск, 2009. 208 с.
5. *Пленков О. Ю.* Триумф мифа над разумом (немецкая история и катастрофа 1933 года). СПб., 2011. 608 с.
6. *Грицанов А. А.* Идеология // Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов. Минск, 2003. С. 405–406.

7. Шварцмантель Д. Идеология и политика. Харьков, 2009. 312 с.
8. Барулин В. С. Социальная философия : учебник. М., 2002. 560 с.
9. Кара-Мурза С. Г. Идеология и мать ее наука. М., 2002. 256 с.
10. Павленко В. Б. Мифы «устойчивого развития». «Глобальное потепление» или «ползучий» глобальный переворот? М., 2011. 944 с.
11. Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2000. 224 с.
12. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. М. ; Киев, 1997. 384 с.
13. Cultural mythology and global leadership / ed. by E. H. Kessler and D. J. Wong-Mingji. Cheltenham ; Northampton, 2010. 390 p.
14. Дьяков А. В. Ролан Барт как он есть. СПб., 2010. 320 с.
15. Барт Р. Мифология сегодня // Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 474–477.

Образец для цитирования:

Иванов А. Г. Политика как пространство эксплуатации идеологиями социальных мифов // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 13–18. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-13-18.

Politics as a Sphere Where Ideologies Exploit the Social Myths

A. G. Ivanov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk branch
3, Internatsionalnaya str., Lipetsk, 398050, Russia
E-mail: agivanov2@yandex.ru

The article considers the political sphere as a space of social mythology objectification. The state acts as a mediator smoothing of the social contradictions with the help of ideologies, which are based on certain social myths. Exploitation of social myths by ideologies makes it easier to influence social consciousness. Each state through the prevailing ideology (which may exist in its formal or informal way) is implementing a specific development program thus exploiting the myth or set of myths. This is most clearly exemplified in the so-called classical ideologies: the basis of liberalism is innovative, progressive development, conservatism – sustainable development, socialism – purpose development. «The global myth», for example the myth of the hero, is the quintessential embodiment of the myth in ideology, the exploitation of social myths by ideologies. Organically combining the two levels of social myth – the «archaic» and the «conjunctural», – «global myths» affect society. «Global myths» go back to ancient archaic times and can be skillfully used by the ruling elite. The author wonders about the need, on the one hand, to reveal the destructive socio-political myths and, on the other hand, the use the potential of the constructive social myths for society consolidation.

Key words: political sphere, social myth, ideology, myth of progress, concept of sustainable development, myth of the hero, «global myth», «archaic» and the «conjunctural» levels of social myth.

References

1. Lévi-Strauss C. *Anthropologie structurale*. Paris, 1974. 452 p. (Russ. ed.: Lévi-Strauss C. *Strukturnaya antropologiya*. Moscow, 2001. 512 p.).
2. Geertz C. *The Interpretation of Cultures: Selected Essays*. New York, 1973. 470 p. (Russ. ed.: Geertz C. *Interpretatsiya kultur*. Moscow, 2004. 560 p.).
3. Habermas J. *Technik und Wissenschaft als «Ideologie»*. Frankfurt am Main, 2003. 272 p. (Russ. ed.: Habermas J. *Tehnika i nauka kak «ideologiya»*. Moscow, 2007. 208 p.).
4. Korshunov G. P. *Mesto i rol sotsialnoy mifologii v strukture massovogo soznaniya* (The place and role of social mythology in the structure of the mass consciousness). Minsk, 2009. 208 p.
5. Plenkov O. Yu. *Triumf mifa nad razumom (nemetskaya istoriya i katastrofa 1933 goda)* (The triumph of myth over reason {German History and the Catastrophe of 1933}). St. Petersburg, 2011. 608 p.
6. Gritsanov A. A. *Ideologiya (Ideology). Noveyshiy filosofskiy slovar* (The newest philosophical dictionary). Ed. by A. A. Gritsanov. Minsk, 2003, pp. 405-406.
7. Schwarzmantel J. *Ideology and politics*. L., 2008. 208 p. (Russ. ed.: Schwarzmantel J. *Ideologiya i politika*. Kharkov, 2009. 312 p.).
8. Barulin V. S. *Sotsialnaya filosofiya* (Social philosophy). Moscow, 2002. 560 p.
9. Kara-Murza S. G. *Ideologiya i mat ee nauka* (Ideology and its mother a science). Moscow, 2002. 256 p.
10. Pavlenko V. B. *Mify «ustoychivogo razvitiya». «Globalnoye poteplenie» ili «polzuchiy» globalnyy perevorot?* (The myths of «sustainable development». «Global warming» or «creeping» global upheaval?). Moscow, 2011. 944 p.
11. Eliade M. *Aspecte que mithe*. Paris, 1964. 187 p. (Russ. ed.: Eliade M. *Aspekty mifa*. Moscow, 2000. 224 p.).
12. Campbell J. *The hero with a thousand faces*. New York, 1949. 403 p. (Russ. ed.: Campbell J. *Tysyachelikiy geroy*. Moscow; Kiev, 1997. 384 p.).
13. *Cultural mythology and global leadership*. Ed. by E. H. Kessler and D. J. Wong-Mingji. Cheltenham; Northampton, 2010. 390 p.
14. Dyakov A. V. *Rolan Barth kak on est* (Roland Barthes as he is). St. Petersburg, 2010. 320 p.
15. Barthes R. *Système de la mode*. Paris, 1967. 326 p. (Russ. ed.: Barthes R. *Mifologiya segodnya*. Barthes R. *Sistema Mody. Stat'i po semiotike kul'tury*. Moscow, 2003. 512 p.).

Cite this article as:

Ivanov A. G. Politics as a Sphere Where Ideologies Exploit the Social Myths. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 13–18. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-1-13-18.